

18 Евгений Пастушенко

Я всегда был одинок

Автобиографическая повесть

Евгений Пастушенко

**Я всегда был одинок.
Автобиографическая повесть**

«Издательские решения»

Пастушенко Е.

Я всегда был одинок. Автобиографическая повесть /
Е. Пастушенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832660-8

Главный акцент повести Е. Н. Пастушенко нравственный. Жить так, как начинал её герой, с первой страницы предупреждает сам автор, нельзя, о чём в первую очередь должны думать подростки, вступающие во взрослую жизнь.

ISBN 978-5-44-832660-8

© Пастушенко Е.
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	17
Глава четвёртая. Война	20
Глава пятая	22
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Я всегда был одинок

Автобиографическая повесть

Евгений Пастушенко

© Евгений Пастушенко, 2024

ISBN 978-5-4483-2660-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

В наше время книги пишут политики и учёные, педагоги и артисты, даже бывшие бандиты и бизнесмены. Словом, все те, кто считает, что опыт их жизни может заинтересовать или пригодиться читателям. Короче говоря, писать стало как бы модно, хотя не все из них понимают, что для этого необходим, прежде всего, дар божий, которым по большому счёту наделены очень немногие. Но вот берутся поведать миру свою жизнь, как сделал это и автор данной книги, который честно признается, что он не писатель, и добавим даже не журналист. Однако он наделен даром рассказчика, хотя за плечами Евгения Николаевича всего пять классов, оконченных ещё до войны, а после – неполная вечерняя школа.

Жизнь этого человека с самого начала была насыщена годами скитаний и лишений, о которых он и попытался рассказать в своей автобиографической повести. Поэтому пересказывать её содержание, нет нужды. Повествование книги, как скоро почувствует читатель, привлекает к себе внимание с первых страниц традиционно-исповедальной манерой изложения. Автор подробно не останавливается на описании своих родителей, друзей, знакомых, так как для него самое главное поведать о своих мытарствах, и обо всём том пережитом, что и заставило его взяться за перо.

Главный акцент повести нравственный. Жить так, как начинал её герой, с первой страницы предупреждает автор, нельзя, о чём в первую очередь должны думать подростки, вступающие во взрослую жизнь. Ещё Ю. М. Лермонтов предупреждал, что всякое предисловие в книге последнее дело. Поэтому читатель бери эту книгу и знакомься с её занимательным содержанием. И ты обогатишь и расширишь свои знания о жизни, причём той, которой давно нет, и вместе с тем в чём—то она повторяется и сегодня, а именно повальным воровством, беспризорными детьми и подростками, совершающими всё чаще преступления...

Литературная обработка и вступительное слово В. А. Владыкина

Часть первая

Глава первая

*А вы на земле проживёте
Как черви земные живут.
Ни сказок про вас не расскажут,
Ни песен про вас не споют.*

Автор стихов неизвестен

Я не писатель. Не могу подробно изобразить характеры и описать природу во всём её многообразии красок и пейзажей. На своём жизненном пути я встречал много разных людей. О себе и о них я буду рассказывать только правду и только правду.

В этих отрывочных записях я попытался изложить не всю свою жизнь, а только относящуюся к моим детским и юношеским годам, не очень весёлым, наполненным неустроенным бытом, о котором я мало тогда задумывался, потому что в те теперь далекие годы так жили, пожалуй, многие.

И вместе с тем в моей нелегкой жизни не всё было так уж и мрачно, много было интересного, но и такого, за что я приношу заранее извинения тем, кто прочитает мои заметки и узнает мою жизнь и поймёт, что так жить нельзя. Да и вряд ли еще кто захочет пережить то же самое, что выпало на мою долю.

Начну с того, что я родился в 1928 году в семье старшего ремонтного рабочего путевого хозяйства Николая Фёдоровича Пастушенко. Моя мать Анна Матвеевна, после того, как родила меня прямо в поезде, через какое-то время забеременела вновь. Мы тогда жили в предместье Льгова на станции Колонтаевка Курской области.

Отец почему-то не разрешил ей рожать, и она сделала аборт, после которого у своих родителей я остался единственным ребёнком. Впрочем, несколькими годами позже у меня появилась сестра, но только родила её вовсе не мать. Как это произошло, я расскажу чуть ниже. Хотя для меня в те годы история появления девочки на свет долго оставалась тайной. Но всему своё время...

Помню, с младенческих лет как частенько мать оставляла меня одного в квартире. Посадит на пол, сыпанет мне семечек, которые тогда стоили пятьдесят копеек за котелок, и уйдёт по делам своим... Когда возвращалась, то заставляла меня всего грязного и облепленного семечной шелухой...

Однажды, когда мне было, лет пять, отец заявился домой пьяный и злой. Не помню, из-за чего он вдруг вынул из кармана наган и навёл ствол на мать, став ей угрожать. Она испугалась, подхватила меня, обняла, села на пол и с какой-то безысходностью, слабым голосом говорила: «Убивай обоих». Отец с грозным видом ходил вокруг нас и грубым, издевательским тоном приговаривал:

«Сейчас уокошу обоих, и не пикнете». Но потом он неожиданно как-то обессилено поник, и тут же, не глядя на нас, спрятал наган. Мать вздохнула, кажется, на этот раз для нас всё обошлось благополучно. Разве тогда я мог что-то знать о причинах его внезапных вспышек... Хотя много позже я думал, что отцу просто нравилась выказывать перед своей беззащитной женой власть и наслаждаться её покорностью с оружием в руках...

Кстати, наган у отца появился давно, но при каких обстоятельствах он обзавёлся им, я никогда у него не интересовался. Если учитывать, что он был коммунистом ленинского призыва ещё с 1925 года, то ему как бы разрешалось всё. Причём он довольно быстро поднимался

по служебной лестнице: сначала был просто ремонтником, потом бригадиром, потом дорожным мастером. Его уже перевели на станцию Зикеево, где мы жили несколько в стороне от неё в путевой будке.

В том же году зимой, я катался на санках от железнодорожного полотна с насыпи вниз. Тут подходит ко мне пацан постарше меня, держа в руках рельсовый гаечный ключ, и просит:

– Дай санки покататься?

– Не дам, – ответил я.

Он вдруг как-то злобно оскалился, размахнулся ключом, и, как врежет мне по голове. Из-под ватной шапки потекла кровь, заливая лицо вокруг глаза. Я даже испугаться не успел, и сперва даже не почувствовал боли, впрочем, не совсем понимая что со мной произошло.

Не знаю, как мать увидела в окно, но вскоре без верхней одежды подскочила ко мне. И спешно, страшно волнуясь, с плачем, утащила меня домой. В комнате кое-как она обработала рану, перевязала, и вся в слезах повела меня к родителям этого пацана. Там мать закатила скандал, но ничего не добившись, мы ушли домой, затем – в поликлинику, где остригли мои волосы вокруг раны, перевязали, и на всю жизнь на том месте остался лысый пяточок...

У нас во дворе стоял старый двухэтажный деревянный сарай, в котором жил один дряхлый старик, при каких обстоятельствах он там оказался, я не помню. С ним мне приходилось встречаться всего несколько раз, но через какое-то время он неожиданно умер, и мы забрали его вещи, среди которых была маленькая шкатулка, со встроенным замочком, впоследствии отец берег в ней документы. Ключик от неё он хранил у себя, не позволяя самовольно открывать шкатулку ни матери, ни мне...

В этом же пристанционном местечке жили ещё несколько семей. Отец подружился с начальником милиции, у которого была дочка примерно моего возраста. С Валею я частенько гулял во дворе. Да и матери наши, бывало, коротали вместе время. И вот однажды прибегает тетка Зина, мать девочки, и взволнованно спрашивает:

– Моя Валюша случайно не у вас?

– Нет, – ответила моя мать.

– Ой, где же тогда её искать! – всплеснула она руками и, качая безутешно головой. – Она гуляла во дворе и куда-то ушла, – продолжала сердобольно тетка Зина.

Затем прибежал мой отец и тоже про девочку заговорил, но её нигде не было. Отец собрался ехать на дрезине и кликнул меня с собой. Я взобрался на неё с переполненным чувством гордости, уселся на лавку, а со всех сторон к нам влезали люди, потеснили меня крепко и в основном работники милиции.

И мы поехали мимо нашего дома, а это значит в сторону Жиздры. По дороге мы останавливались несколько раз, выходили на бровку, ходили по дороге, возвращались, садились и опять ехали дальше, а по приезду в Жиздру, в каком-то месте нашли Валину тапочку. И больше, что она тут была, никаких признаков, ни с чем мы вернулись обратно на станцию...

В безрезультатном поиске прошло для всех три волнительных дня. И вдруг девочка нашлась, – её принёс лесник, охранявший лес. А произошло это таким образом: где-то около нашей станции жили немцы— колонисты, и они были за что-то сердиты на начальника милиции. Они наняли подходящую девушку, чтобы она похитила Валю и привела к ним. Прохиндейка выследила её, схватила подмышки, вымазала лицо сажей и унесла в лес туда, с кем договаривалась. Но, к счастью, похитительница их не нашла, а куда деть добычу – не знала. Ходила кругами по лесу и не ведала куда идти, что дальше делать, и, наконец, решила, посадила её на муравьиную кучу, а сама смылась. Девочка заплакала от испуга, а тут и муравьи начали её покусывать и заползать к ней в рот. На счастье шла в школу дочь лесника, услышала, детский плач, побежала на этот голос. Увидела среди кустов орешника девочку, сняла с кучи и понесла домой. А лесник уже слышал о пропавшей дочери начальника милиции, и, недолго думая,

отнес ее в милицию. Потом нашли и девушку, которая похитила девочку и та всё рассказала, да ещё храбро добавила:

– Если бы я нашла немцев, то не видать бы вам своей дочки!

Тётка Зина вся в гнев кинулась на прохиндейку, схватила за волосы, но её отняли и увели.

После этого случая, за что-то я провинился, и мать хотела меня наказать. Я залез в картофельную ботву, спрятался там и незаметно уснул, меня обыскали и стар и млад. Случайно, или сердце матери подсказало, где меня искать, но она сама и обнаружила. Ну и влетело же мне. Хотя тогда своей вины я до конца так и не осознал...

В Зикеево мы прожили недолго. Вскоре отца перевели на станцию Думиничи, где я попал в больницу, которая находилась на чугунно-литейном заводе. Там я невольно стал «евреем», так как под наркозом мне сделали обрезание из-за того, что брался грязными руками за пенис, и на нём началось нагноение, поэтому отцу пришлось срочно отвести меня в больницу...

Кем именно он работал в то время, я не знаю, но вскоре его и оттуда перевели на станцию Сухиничи – Узловые, где мы прожили до 1938 года в доме барачного типа, из четырёх квартир, и одну из двух комнат занимали мы. На одной площадке с нами жила семья из пяти человек: муж, жена и трое детей. Самая младшая Нина была старше меня всего на два месяца, а средний Николай на два года старше меня. Ну, а Леля старше вообще на шесть лет. Но мы как-то быстро сдружились и почти всё время были неразлучны, да и наши родители никогда не ругались, а иногда собирались и выпивали вместе...

Бывало, приходилось слышать, как наши соседи ругались между собой. Кто из них начал первым – не знаю, однако ругались они молча, ни в чем, не уступая, друг другу. И слышно было, как летит тарелка об пол, как летит вторая, и пока всю посуду не перебьют – не угомонятся. А затем летит на пол всё, что бьётся, и опять при полном их безмолвии. Вот разойдутся в разные стороны, и до утра не разговаривают.

Но ведь надо же кормить детей, а им не из чего, тогда начинают мириться и идут в магазин покупать всю посуду. Говорили, что так они ругались один раз в два или три года. В момент битья посуды дети находились у нас, а мать их кормила. Вот только спали у себя в квартире, где всё было расколочено и валялось на полу.

Так у меня появились из соседней квартиры первые друзья: Коля, Нина и Лёля. Мы играли во дворе в лапту, гонялись друг за другом, а зимой катались на санках, потому что рядом с нашим домом был насыпной в виде горки погреб, какие были по всей Украине. Такой же погреб я видел значительно позже во время войны в Польше.

Глава вторая

Как-то раз я сидел у окна и смотрел на железнодорожные пути, где стояли составы, готовые к отправке на Москву. И вдруг, словно кто толкнул меня в спину, я поднялся, открыл дверь и пошёл к рельсам, на которых стоял состав. Подошёл к рукоятке сцепления, приподнял ручку, повернул её, щелкнула. И я спокойно пошёл домой и стал в окно наблюдать за происходящим.

Слышу, паровоз дал гудок. Поезд тронулся, а там, где я только что стоял около вагона, он расцепился, лопнул шланг, что-то пронзительно завизжало, и поезд остановился. Вижу, прибежали железнодорожники, начали кричать, но что именно, я не слышал.

Однако я был сильно напуган за свою шкуру, как молния сверкнула мысль, а что будет со мной, если узнают, кто это наделал? Во избежание разоблачения я не вышел на улицу, и никто не узнал об истинном виновнике произошедшего.

Они поменяли шланг, соединили состав, и поезд отправился, конечно, с опозданием. После этого случая я больше не подходил к какому-либо составу. Однако всякие недоразумения со мной приключались довольно часто. Самое памятное связано со школой, куда я пошёл учиться, когда мне не было и семи лет.

И вот я пришёл первый раз в первый класс, а идти надо было два с половиной километра по путям. Но это ерунда по сравнению с тем, что со мной произошло. С детства я познал, что такое быть предоставленным самому себе. Мне и в голову не приходило, что мать должна бы проводить меня в школу, всё-таки дорога туда не близкая. Хотя она проявила заботу тем, что положила в сумку много харчей, каких я не помню, а они были завернуты в бумагу.

В школу я дошёл благополучно: после линейки по случаю начала учебного года, вошёл я в класс, мне показали парту, за которой я должен сидеть. Когда подошёл к парте, то около меня оказался пацан, такой же, как и я, да ещё около нас остановился несколько полноватый, невысокий директор школы с жесткими чертами лица.

Вначале я не обратил ни на кого особого внимания, достал из портфеля харчи и стал их заталкивать в парту, но свёрток как назло не влезал и я затолкал его изо всей силы. В это время пацан стал вдруг смеяться надо мной. А нос у него был крупный и сплюснутый, как свиной пяточок. Я не выдержал и двинул ему кулаком по носу. Тот так и залился кровью.

– Ну, вот драться ты уже научился, а в школе учиться тебе ещё рано. Собирайся и ступай домой, – сурово сказал директор. И вышел, словно ждал, что я должен был поступить так, а не иначе, то есть с драки.

Я пошёл домой, так и не позавтракав тем, что дала мне мать в школу. По приходу домой мне досталось сначала от матери, затем от отца, который ругал почему-то не меня, а мать, что де она плохо меня воспитывала и так далее.

Он молчал какое-то время, затем собрался и пошёл в школу уговаривать директора о принятии меня обратно в класс, что я буду тихий, спокойный, прилежный, что стану слушаться учителя и т. д.

Но директор был неумолим и не принял меня в школу, мотивируя свой отказ тем, что мне ещё не исполнилось семи лет. А я родился 26 февраля, что я ещё малолетка и мне пока рановато ходить в школе. Так я просидел дома ещё год.

Пошёл в школу в 1936 году и проучился два года. Когда я перешёл в третий класс, наша жизнь в Сухиничах дальше не сложилась по не зависящим от нас обстоятельствам. Об этом периоде я услышал от отца, когда он вышел на пенсию.

В то время его послали в Москву на курсы повышения квалификации, на начальника дистанции путей, которые он окончил с отличием. После получения диплома, отец поехал в Наркомат путей сообщения показать бумагу об окончании курсов, но когда он доложил, то ему сказали:

– Вы с отличием окончили курсы, мы предлагаем вам семь железных дорог, выбирайте любую. Там будете работать начальником дистанции путей.

– Я никуда не поеду. Мне и тут хорошо, – отрезал отец, повернулся и поехал к себе на станцию. По приезду, он доложил об окончании курсов, показал диплом, – начальник поздравил его и сказал:

– Ты приехал как раз вовремя, поезжай на третий околоток и подними его, а то там плохо с дисциплиной, да и вообще покомандуй, наведи там должный порядок.

Отец поехал туда и стал там работать. Вскоре начальник вызвал его к себе в кабинет и спросил:

– Ты был в Наркомате?

– А как же и показал им диплом! – отрапортовал отец.

– Что они тебе сказали? – опять спросил начальник.

– Ну, они мне предлагали поехать на другие дороги, но я отказался, разве мне здесь плохо или я вам уже не нужен? – ответил, не задумываясь, отец.

– Нет, ты нам нужен, но мне приказали отстранить тебя от работы и направить обратно в Москву, так что собирайся и поезжай в Наркомат путей сообщения. Таков приказ! – развёл деловито руками начальник и на этом разговор окончил.

Отец поехал опять в Москву. Пришёл в Наркомат, а там ему стали растолковывать:

– Мы тебя учили? Учили. За тебя деньги платили? Платили. Так надо отрабатывать, мы тебе давали семь железных дорог, ты отказался, а теперь вынуждены послать тебя на Забайкальскую.

– Я не поеду туда, мне и здесь хорошо, никуда я не поеду! – уперся отец.

– Не поедешь? Тогда пойдём, – сказали они, и повели его к наркому путей сообщения Кагановичу.

Там в приёмной прождали около тридцати минут. Когда вызвали, то они зашли в кабинет к министру, и отец услышал:

– Это он? – спросил министр, указывая пальцем на него.

– Он, – ответили помощники.

– Ну что, молодой человек, вы же на свою голову кочевряжитесь. За вас же уплачены денежки, а вы супротив идёте? В общем, так, выдайте ему к подъёмным 2000 рублей, а вам счастливо доехать, – сказал Лазарь Моисеевич Каганович и протянул на прощанье отцу руку. Ему выдали документы для переезда на станцию Яблоновая Забайкальской железной дороги, где он должен организовать новую дистанцию путей.

Когда он приехал домой, его стали торопить, чтобы собирался немедленно. Завтра подадут вагон для погрузки, на что отец ответил по-своему:

– Как упакую вещи, вот тогда и подадите.

И мы начали собираться в дальнюю поездку, неизвестно куда. Я окончил второй класс, перешёл в третий и уже нагулялся после окончания школы. Стоял июнь месяц, короче говоря, после вызова отца в столицу прошло пять дней. Подали вагон, где мы должны, чтобы доехать до места, прожить месяц.

Я многого не знал из того, как жили мать с отцом. В своё время я был сильно напуган, его дикими выходками и мне ночами виделись такие сны, от которых порой я был не в своём уме. Но это ожидало потом, а в тот момент, когда мы уже под вечер погрузились, мать как-то неловко мне сказала:

– Сынок, у тебя сегодня найдётся сестрёнка. Хочешь сестрёнку?

– Какая сестрёнка? – спросил я, не понимая.

– Обыкновенная, сестрёнка и всё, – ответила она, а сама заплакала.

И правда, поздно вечером, перед самым отъездом, к нам подвезла детскую коляску чужая женщина, и тут же быстро ушла. В коляске лежал ребенок месяцев пяти. Её подали в вагон служители станции.

Мать приняла коляску с младенцем и все вещи, принадлежащие ему, положила на кровать, и в это время подъехал маневровый паровоз, подцепил наш вагон к составу. Так мы поехали семьёй в четыре человека. Её звали Галя. Когда коляску подвезли к вагону, отца рядом с нами не было. А когда вагон подцепили к составу, отец объявился тут как тут и быстро залез в вагон, при этом ничего не сказав, матери, сел, как ни в чём не бывало за стол, находившийся напротив двери, и налил себе водки. Мы стали ужинать. Затем мать разобрала постель и уложила меня спать, а сама стала укладывать Галю.

Отец тоже лёг. К стуку колёс я уже привык, поэтому на то, что мы едем, не обращал внимания. В вагоне было тепло, так как стояло лето, и я быстро уснул.

В середине месяца, а это было уже далеко за Москвой, на одной из станций отец сошёл и принёс чайник кипятка. Мать поставила его на стол, а сама стала заниматься «дочкой», как в это время состав стали спускать с горки, а отец ехал на тормозе, наблюдая, как катились с горки вагоны. Спуск с горки одного из них почему-то вовремя не задержали, и он покатился вниз на стоящие вагоны на этом же пути.

Отец соскочил с тормоза, и стал подкладывать камешки, чтобы смягчить сильный удар. Но разве камешки могли удержать вагон, который столкнулся с остальными вагонами. Мать в это время за чем-то нагнулась под стол поднять что-то, а в это время удар сотряс стены обшивки и чайник с кипятком полетел на неё и обварил ей всю спину.

Когда аварию устранили, отец вызвал врача. Он смазал матери спину, дал указание и ушёл, а мы остались с больной матерью одни. Пришлось мне нянчить Галю, потому что отец так приказал, а что оставалось мне делать, как подчиниться ему.

В общем, как бы там ни было, до Яблоновой мы доехали благополучно. Для нас уже была готова квартира, и мы сразу поселились, а находилась она около железной дороги, рядом со станцией, да и школа стояла тут же. Но она была временной, потому что достраивалась новая школа за горой.

Это я сказал потому, что за станцией метрах в ста начиналась гора, покрытая сосняком и разным кустарником. Чтобы пройти в новую школу, надо было обойти ее.

Так я, человек, рождённый, как и мои родители, в Европе, стали жить в Забайкалье. Но мне, в отличие от них, было всего десять лет, поэтому я довольно быстро привык к сибирским морозам. К жаркой летней погоде, мы оказались более приспособленней. Хотя и жара была сильней, чем в европейской части.

Но тут, в совершенно другой климатической зоне, меня по ночам стали мучить кошмары. Хотя и редко, зато очень влияли на нервы. Бывало, вижу сон, как из противоположного от меня угла, где я сплю, полностью от пола до потолка на меня надвигается уголь. И вся комната заполняется и заполняется, уголь, словно лавиной всё движется и движется на меня. Куда мне деваться? Я вскакиваю с постели и отбегаю к выходу из комнаты, но уголь всё надвигается на меня и мне приходится уходить в другую комнату, но и уголь там достаёт меня. Обычно это происходило тогда, когда не было дома отца, а он обычно работал до двух или трёх часов ночи, я лечу как сумасшедший к матери в постель.

– Сынок, что с тобой? – тревожно спрашивала она.

А я ничего не могу ей ответить, я весь, дрожа, забиваюсь к ней под одеяло, прижимаюсь к её тёплому боку, при этом, не говоря ни слова. Тут я не помню, как засыпаю, но просыпаюсь опять в своей постели. Мать меня переносила в мою постель, когда я спал.

Один раз днём я был дома один, и точно так же спал, и вот уголь опять напирал на меня. Я выскочил в другую комнату, но и она стала заполняться, тогда я выскочил в коридор, а дело было зимой, и не помню, как очутился на дворе. Мне страшно зайти в дом, так как боюсь,

что уголь там поджидает меня и хочет напасть. Но ведь холодно, а я раздетый, чуть не замёрз, хорошо, что вскоре пришла мать.

– Ты что здесь делаешь? – спросила недоумённо она.

– Там, – показывая пальцем в направлении комнаты, но что именно, я не сказал, а мать открыла дверь и сказала:

– Смотри, ничего там нет, тебе показалось.

Я посмотрел в комнату, правда, там нет ничего, и я зашёл, осмотрел все комнаты. А сам думаю, а что если на меня опять нападёт уголь.

– Ну, убедился, ничего нету, а ты боялся. И что же ты увидел страшного? – участливо спросила она.

Но я хмуро промолчал и лёг опять в холодную постель. Но вовсе не спать, а просто полежать, затем встал, оделся и попросил покушать. Мать накормила меня, и я пошёл гулять на улицу. Мать всегда так тепло меня одевала, что я еле ворочался в ста одежках. Ведь свирепствовали сильные морозы, а мы к ним трудно привыкали.

У соседей, которые жили в нашем же доме, было шестеро детей, и все они родились в Забайкалье, а поэтому сибирские морозы им были нипочём. Они как поругаются между собой, так и гоняются друг за другом, а бывало, даже выскакивали на улицу раздетые, босые и гонялись друг за другом по снегу, не обращая внимания на сильные морозы. Ну и это ещё не всё.

В школу обыкновенно приходили всегда раньше на двадцать—тридцать минут. Вот звонок, и все ученики выбегают на улицу, что перед школой, становятся в один ряд каждый класс и начинается зарядка. Как только кончили зарядку, на крыльцо выходит директор школы и командует:

– Так, а ну-ка Петров, выходи и расскажи, чем ты занимался вчера на уроке?

Петров выходит, краснея перед всей школой, и выговорить ни слова не может.

– Что молчишь? Живо говори, что ты натворил? Почему довёл учителя до слёз? – допытывался настойчиво директор Иван Сергеевич Туманов.

– Честное пионерское, я больше не буду, – ещё сильней краснея, тянул жалобно ученик.

– Ну что, поверим ему в последний раз! – произнёс директор. – Иди, становись в шеренгу. Поверим ему в последний раз? – спрашивает у всех учащихся Иван Сергеевич.

Но школа, вся погружённая в себя, молчит, потому что среди учеников много таких же непослушников.

Собственно, так бывало почти каждый день, обязательно кого-нибудь, да и выставят на крыльце, как у позорного столба, перед всей школой в назидание другим. А уж про меня и говорить нечего, так как два раза в год исключали из школы за отъявленное хулиганство.

Но после уговора с матерью или отцом (что было очень редко), меня принимали обратно только с тем уговором, что я не буду больше баловаться и доводить учителя до слёз. Так я и учился с горем пополам. Весной, когда чуть потеплеет и сойдёт снег, в школу я почти не ходил. Все обойдут вокруг горы и я, кажется, со всеми заодно, а потом взойду на гору, сижу там и балуюсь, а когда ребята идут после уроков, я спускался с горы и присоединялся к ним, как будто я иду тоже из школы. У кого-нибудь перепису уроки вчерашние и сегодняшние...

Летом обыкновенно весь день я бегал на улице или ездили с ребятами ловить на озера рыбу то в Шилку, то в Соханду. Ведь станция Яблоновая была на спуске хребта, носившего её название, где на гору к каждому поезду прицепляли толкачи с паровозами, тащившими гружёные составы.

И вот, сидя дома или бывало, на улице услышишь короткие гудки паровоза, сразу понимаешь, что в составе отказали тормоза, а стрелочники знают, что делать. Они сразу переводят стрелки так, чтобы поезд пролетел станцию на поход. И он останавливается через одну или две станции, а потом возвращается назад.

А сколько было крушений! Однажды поднимался поезд без толчка (был короткий). Вот доехал до половины взгорка. Вдруг оторвались четыре вагона, и помчались вниз ошалело, увидели стрелочники, как они влетели в тупик и рассыпались, словно карточные домики. Посередине между Яблоновой и горой Тургу-Туем, был улавливающий тупик, если поезд начинал спускаться, и у него отказывали тормоза, то в середине спуска на пути в тупик открывали стрелки, и поезд с большой скоростью влетал в этот тупик. А он поднимается в горы и, в конце концов, сбавляется скорость и поезд останавливается.

Так мы и жили под Яблоновым хребтом, где отец организовал дистанцию пути.

Дома отец почти не бывал, он всё время находился на работе, откуда приходил домой подчас далеко за полночь, а утром уходил на службу как обычно к восьми. Он не спрашивал у меня, как я учусь и учусь ли вообще, а когда меня исключили из школы, отец обвинил в этом мать. И затем отправился в школу уговорить директора, чтобы меня приняли обратно, дескать, обормот больше не будет баловаться и шалить. Мать меня поколачивала за дело ежедневно, но её побои я почти не ощущал...

Всё лето я бегал по сопкам, по лесу, ездил на рыбалку, ходил по ягоды, грибы, а однажды мы с другом Колей, у которого было пятеро братьев и сестёр, за свои сбережения купили арбуз, которые привозили из Средней Азии. Он весил килограммов пять и я его взял в руки, чтобы у нас его не отняли большие ребята, мы поднялись на сопку, решив слопать там с Колей на пару. Только достигли самой вершины, как вдруг из рук моих наш арбуз выскользнул и стремительно покатился вниз. Мы бросились за ним с отчаянным криком и ревом, а когда, наконец, его обогнали, арбуз со всего разгона налетел на камень и разлетелся вдребезги на мелкие кусочки. Мы плача принялись собирать кусочки и высасывать сок из мякоти с налившимися сосновыми иголками. Нам было обидно и досадно, ведь мы собирали денежки, клянчили у родителей по копейке...

Так мы прожили в Яблоновой два года, а на третий с отцом приключилось несчастье. У него на службе четверо рабочих опоздали к началу смены на два часа. Отец объявил им по строгому выговору, за что его почему-то отдали под суд. С точки зрения здравого смысла этого не могло быть, однако его осудили с вычетом из зарплаты десяти процентов и с понижением в должности. Вдобавок отца перевели на станцию Карымская, находившуюся по другую сторону Читы. Там я стал учиться в пятом классе, мне как раз исполнилось двенадцать лет, и я стал жить почти самостоятельно. Но все по порядку...

Нам дали квартиру в двухэтажном доме, от которого до станции было почти километр, а школа стояла тут же. Но в ней я проучился недолго, так как для нас построили новую школу недалеко от нашего дома, где я доучивался в пятом классе. Я слыл первым хулиганом, ведь моим воспитанием никто не занимался, родители меня почти не ориентировали на правильное поведение. Мать всё время ухаживала за маленькой сестрёнкой Галочкой, которая постоянно болела, и, в конце концов, в апреле одна тысяча девяносто сорок первого года она умерла.

Мы так привыкли к ней. И мать приняла её, как родную, отцу она никогда не выговаривала за его посторонние связи с женщинами. По крайней мере, я никогда ничего подобного от неё не слышал. Словом, эта потеря для нас обернулась большим общим горем, а жизнь продолжалась. Я сидел в пятом классе второй год. К прилежному учению у меня не лежала душа. У меня формировались какие-то свои интересы, которым я предавался всей душой.

В наших местах была красивая природа, на реке иногда с ребятами я проводил большую часть лета. Самым удивительным было заходить в реку: сперва тебе по колено, потом вода уже выше колена и она манит к себе неодолимо. И всё сильнее ощущается течение, которое с каждым шагом усиливалось до такой степени, что начинало тебя сносить на самую коварную глубину. А вода была такая чистая, такая прозрачная, что видно как плавают большая и маленькая рыба, от вида которой распирает дух. Она смело проплывала рядом, иногда касалась ног и казалась такой огромной, что хотелось ловить её руками. Но для этого мы использовали

длинные перемёты, которые были от двадцати пяти метров до пятидесяти. Бывало, забросишь его до середины реки, и ждёшь до вечера. Потом тянешь, тянешь. А на крючках бьется, трепыхается разной величины рыба, но и болтались пустые без насадки крючки. Словом, в долинах и сопках Забайкалья, летом поразительно красиво, смотришь и никак не налюбишься...

От дома, в котором мы жили на втором этаже, нужно было пройти через железную дорогу туда, где стояла в виде длинного сарая песочница. В ней хранился очищенный от примесей песок для засыпки в тормозную систему паровоза. Когда он трогался, песок сыпался на рельсы, и тем самым предотвращал пробуксовку стальных колес. Для этого песок просушивали в пескосушилках. И вот мы, ребята, часто туда забегали покататься на вагонетке, возившей туда на просушку песок. Однажды, когда мы катались на вагонетке, с неё вдруг слетело колесо. Мы, было, хотели смяться, как в это время вышел рабочий, занимавшийся сушкой песка:

– Ну что натворили, как мне теперь возить песок? – резко спросил он, а мы от страха онемели и молчим.

– Я вот сейчас напишу в милицию на вас заявление, что вы сломали тележку, что мне не на чем возить песок, поезда идут по графику и на каждый паровоз нужен песок, и ваши отцы заплатят штраф и отремонтируют тележку.

– А сколько будет стоить ремонт? – поинтересовались ребята.

– Не меньше ста рублей, – ответил слесарь. – Смотрите, я жду до завтра, а вас я всех знаю, если не принесёте деньги завтра, то я всех вас отдам под суд.

Мы вышли озадаченные на улицу и стали думать, где взять деньги?

– Может, я достану, – не совсем уверенно сказал я.

– Где же ты возьмёшь? – удивлённо спросили они.

– Дома, вытащу из стола у отца, – убеждённо ответил я.

– Ну, мы надеемся на тебя, приятель, – одобрительно сказали ребята и с этим мы разошлись по домам.

Когда утром отец ушёл на работу, а мать как обычно пошла по магазинам, я залез в стол, где отец обычно хранил свои вещицы и деньги. Я просунул руку с обратной стороны между стенкой стола и ящиком, куда пролазила только ладонь. Пальцами я нашупал в углу ящика свёрнутую пачку денег, но, сколько в ней было, я не знал. Двумя пальцами нашупал бумажку и потащил её. Это была сторублёвая купюра. Я быстро сунул её в карман и пошёл к пескосушилке, нашел там слесаря, отдал ему деньги и спокойно ушёл от него.

– Ну что, нашёл? – спросили ребята, когда я встретился с ними.

– Я уже отдал ему, – ответил я, и предложил. – Пошли на речку.

После этого случая прошло несколько дней, и я уже был уверен, что отец не заметил пропажу ста рублей, но в тот день как раз он получил зарплату. Он при мне открыл стол, который был, замкнут на внутренний замочек, и на лице отца появилось удивление:

– Что за чёрт, что такое? Деньги были завернуты в сотенную, а её нет!? Ты мать случайно не брала? – жёстко спросил отец.

– А разве я когда лазила в твой стол? – с обидой обронила она. – И вообще, почему ты так решил, что я знаю, как открывать твой замок?

– А ты, паршивец, не брал? – повысив тон, обратился отец ко мне.

– Н-не-ет! – заикаясь, изрёк я. Но отец без труда догадался, что это моя работа.

– Куда дел сто рублей? – спросил он так строго, что у меня всё внутри задрожало.

– Я не б—брал, – еле промямлил я.

– Ступай и принеси деньги! – отрезал отец и выгнал меня подзатыльником на улицу. Я отправился к соседнему дому, в котором жили мои приятели, и залез к ним на чердак, где было душистое, мягкое сено. Здесь мы часто собирались и коротали непогожие деньки. Я рассказал ребятам, как отцу открылась пропажа денег, и он выгнал меня из дому

– Что ты теперь будешь делать? – спросили они.

– Не знаю, – пожал я плечами.

– А где ночевать будешь? – поинтересовались ребята. – Еду мы тебе, конечно, принесём, но где достать такую большую сумму?

– Ночевать пока буду на этом сеновале, а питаться – в столовой ФЗО, там у меня есть знакомые пацаны, – спокойно ответил я и повалился навзничь на сено.

Так прожил я трое суток, пока не нашла меня мать. Я хотел сбежать от неё, но чуток не успел – она заметила меня и закричала:

– Остановись и подойди ко мне! – Попросила она, задыхаясь. Я послушно остановился, чтобы выслушать её.

– Ну, расскажи, куда дел деньги? – спросила она, когда поравнялась со мной. Я решил не лукавить и рассказать ей всё, ничего не тая. Она привела меня домой. Накормила и сказала, чтобы я приходил ночевать домой. Когда отец пришёл обедать, мать рассказала ему, куда я дел деньги. Так он с ходу заспешил к пескосушилке, но слесаря уже там не застал, который, видно, как только получил от меня деньги, сразу уволился и уехал, а куда, никто не знал. Отец, конечно, простил меня и бить не стал, но предупредил, что если я ещё раз залезу в стол, он меня высечет ремнём. Ждать пришлось недолго.

С первых дней приезда в Забайкалье, мы как-то легко сдружились с Николаем. Ходили по тайге, лазили по сопкам, собирали грибы и ягоды, слушали пение разных птичек, он, как местный абориген, находил какие-то сухие листья, и мы их с интересом курили. Конечно, вначале заходились в кашле, а затем научились курить по-настоящему. А где взять табак, да, конечно же, в столе у отца, куда я лазил сперва без ключа. Да и отец иногда давал мне табак, чтобы я начинал папиросы «Казбек» и «Беломорканал», что я и делал, а табак понемногу воровал, но какое-то время он этого не замечал. И только по приезду на другую станцию отец стал замечать пропажу табака. Обнаружил он потому, что на внутренней стороне замка была полоска от ножа. Я открывал стол ножом, выдвигал замок вниз, и ящик, таким образом, открывался.

Я брал табак, конечно, немного, потом закрывал ящик тоже ножом. Я курил в уборной, на улице, на речке и т. д. Отец это заметил. И вот неожиданно заболела мать. Её положили в больницу, отвезли в Читу, и я остался один, потому что отца я почти не видел. Нет, я его видел, но только утром, когда он после завтрака отправлялся на работу, а вечером, когда он приходил с работы, я уже спал.

И вот в тот день, когда он ушёл на работу, я попытался залезть в ящик, но отец уже сделал так, чтобы проникнуть в ящик с помощью ножичка было невозможно. Он умудрился подложить под днище ящика небольшие деревянные чурочки, и этим самым ящик приподнялся таким образом, что ножиком я не мог достать табак.

Тогда, не долго думая, я подобрал ключ, подточил его так, чтобы мог открыть ящик. Пришлось повозиться долго, изрядно помучиться, прежде чем он поддался и сим-сим открылся.

Но что я увидел – табак был замотан шпагатом настолько изобретательно, что обратно обмотать свёрток в таком же порядке, вряд ли бы я сумел. Но желание курить переселило всю предосторожность, я освободил пакет от шпагата, дрожащими пальцами отсыпал табак. И сколько ни пытался повторить в точности все обороты, какими отец затягивал свёрток шпагатом, я это сделать не сумел. Весь в слезах, зарёванный, кое-как закрутив, я бросил, почти уверенный в том, что мне перепадёт от отца на орехи. О своей промашке, конечно, перед ребятами я не сознался и ждал утра.

Глава третья

Утром, когда отец позавтракал, по своему обыкновению он должен зайти в комнату за табаком. Этой своей привычке он не изменял. Понимая, что вот сейчас он пойдёт туда, я быстро накинул пальто и выскочил во двор. Заскочил в уборную и в шелку стал наблюдать, когда отец пойдёт на работу. Но он всё не выходил. Не мог же я больше положенного торчать в уборной? Я вышел и поплёлся домой, полный самых мрачных предчувствий.

Вошёл на кухню и жду в оцепенении, когда отец появится из комнаты и пойдёт на улицу, но он упорно не выходит, а волнение у меня нарастает. Правда, я рано научился владеть собой: сколько можно стоять на кухне, любопытство превозмогало страх, и я пошёл с тем чувство, мол, будь что будет. Как только я очутился в комнате, отец в это время напялил на себя пиджак, затем достал из кармана ключ от стола и стал отмыкать ящик. Я замер на месте, отец резко повернулся ко мне:

– Кто, спрашиваю, лазил за табаком? – он косо посмотрел на меня, я хотел выскочить из комнаты, но кто-то будто держал меня за шиворот, от страха подрагивали колени. Ведь как ни молчи, всё равно придётся отвечать перед родителем, который почему—то всегда прав. В этом я усматривал величайшую несправедливость, хотя своим умишком ещё не соображал, что совершил кражу со взломом. Впрочем, мне всегда казалось, что отец жил как бы отдельной от нас с матерью жизнью и ничем своим не делился.

– Где ключ? – спросил он грозно.

– Нет ключа, – чуть слышно ответил я, потупив глаза.

Отец схватил меня за руку, подтащил к буфету, а наверху была уже приготовлена скрученная вдвое верёвка. Раза четыре – пять врезал мне по спине и спросил:

– Где ключ от стола?

– Не знаю, – еле слышно ответил я.

Он опять стал меня бить. И бил до того, что я уже лежал на полу, и вся поясница горела.

– Где ключ? – опять спросил, весь потный от избиения меня, отец. И тут я не выдержал, подполз к сундуку, на котором когда-то спал, залез под него рукой и достал из-под угла ключ и протянул ему. Он ударил меня ещё несколько раз, вытолкнул в спину из комнаты. Замкнул её, а сам пошёл на работу.

Я остался один на кухне и не мог пошевелить ни рукой, ни ногой. Немного посидел, умылся и пошёл к ребятам на речку. Я еле дошёл туда, ведь у меня ныло всё тело, но когда пацаны увидели меня, быстро подошли ко мне и, бегая вокруг, оглашено кричали:

– Раздевайся и лезь за нами, будем нырять.

Но купаться я решительно отказался:

– Я не хочу купаться, – быстро ответил я.

– Почему? – спросили они смеясь. Я приподнял рубашку, и ребята увидели, как отец разукрасил меня.

– Кто тебя так исполосовал?

– Отец, – спокойно ответил я, опуская рубашку на тело. Они издали разноголосое удивление, а один сказал:

– Так иди домой и пиши заявление на отца в милицию, ведь у тебя вся спина в рубцах, – закончил он.

Я подумал: ну как можно написать на отца, если кругом сам виноват и сказал:

– Он же меня избил за то, что я воровал у него из стола табак и даже ключ подделал, так что писать на него ничего не буду, – и я пошёл обратно домой. По дороге я вспомнил: куда иду, ведь дом закрыт, и там делать нечего. Я пошёл опять на сеновал к ребятам, где жил раньше,

но тут я захотел кушать и отправился в столовую ремесленного училища, где знал некоторых ребят.

Они привели меня в столовую, и я как ученик училища сел за стол, наелся, как подобает ученику. После этого отправился на чердак сеновала спать. Здесь, на чердаке я прожил несколько дней, пока не приехала из больницы мать...

Она опять нашла меня и привела домой, и как следует, отчитала, отшлёпав ладонями так, что я их не ощущал.

Вскоре у меня появился друг Лёва, который жил напротив нашего двухэтажного дома, где стоял четырёхквартирный барак. Лёва у своей матери был один, да и моложе меня на один год. Вот мы с ним и бегали каждое утро на реку купаться, впрочем, не только на речку, но и по всему посёлку, забегали на вокзал. Там был рядом маленький базарчик, где продавали молоко и ещё кое-какие продукты, а в основном мы бегали туда купить жвачку.

Она варила из смолы, которую добывали из сосны или ещё из каких-либо деревьев. Её жевали все молодые, что для нас с Лёвой было завидно. Идёт молодая красивая девушка, жуёт серу, да из озорства ради, как щёлкнет, да так громко, причём не раз, что все взрослые в оторопи оглядывались на неё.

Скоро и я так же щёлкал и жевал эту серу, для приобретения которой нужно выпросить денег у наших матерей мне или Лёве. И при том ещё нужны были деньги на курево, а где их взять. Ведь теперь к отцу в стол не залезешь, так мы стали собирать бычки, потом их крошили, сушили, если они были мокрые, потом уже их закручивали в козью ножку как взрослые и курили.

Должен повториться, в сороковом году я остался в пятом классе на второй год. Не сдал устный экзамен по арифметике, уж чересчур было много правил, что все их я не запомнил, которые, впрочем, я не учил, всё бегал, разве было мне до учения.

У нас в комнате была этажерка, где стояли книги, журналы, лежали газеты и разная мелочь, а под самым низом, то есть на полу стояла батарея бутылок с разными напитками: водкой, ликёрами, винами и прочими.

Так вот, однажды я налил водки полный пузырёк из-под одеколona и пошёл к другу, с которым мы её выпили, конечно, с закуской, как взрослые. И опьянели, ведь мы с Лёвой её никогда не пили, и вдруг вмазали сразу чуть ли не по сто граммов. Это было днём, и мы с Лёвой пьяные разошлись по домам. Моя мать удивилась: пришёл среди бела дня с головной болью.

Она уложила меня в постель, и что удивительно совершенно не догадалась, что я был пьян. И только я лёг в постель под одеяло, как пришла мать Лёвы и спросила, где я.

– Да лежит в постели, голова заболела, – ответила мать.

– Какая в чертях голова, да он же тоже пьяный! – возмущённо сказала она. – Мой лоботряс пришёл домой и такой устроил скандал, я запах почуяла, а он, как зюзя, пьяный.

Как только я услышал эти слова, натянул одеяло на голову. Мать тут же подошла ко мне, видит, что я сплю, и будить не стала.

– Он уже спит, я с ним потом поговорю, – спокойно ответила она и вышла из комнаты. После я спокойно уснул, а когда проснулся, то, конечно, мне досталось от матери на орехи, и при том не без угрозы прибавила:

– Вот узнает отец, что водки не хватает в бутылке, он тебе всыпит ремня.

Но отец испарения зелья не заметил, потому что был сам изрядно выпивши, да ещё, наверное, добавил из стоявших под этажеркой бутылок, что он делал частенько. Хотя я этого сам не видел, но его повадки я знал хорошо, а в тот момент, когда он мог добавить спиртного из домашних заначек, я находился на улице и достоверно не знал, что происходило дома.

Вечером я подошёл к нашей квартире и прислушался дома ли отец. Оказалось, что отец ужинает на кухне. Я залез на чердак, а лестница была рядом с нашей дверью. Стал ждать, когда отец пойдёт на работу, так как каждый день он ходил к восьми вечера на селекторное совеща-

ние с участками дистанции путей. После того, как отец ушёл на службу, я зашёл в квартиру. Конечно, мать меня отругала, потом накормила, и я лёг спать...

Наступила незаметно зима, и я пошёл в школу на второй год в пятый класс. Как-то под вечер, я учил стихотворение, и в это время пришёл отец, и мы сели обедать. После обеда отец спросил:

– Уроки выучил?

– Выучил, – ответил я, а у самого сердце в пятках.

– Расскажи стихотворение, – спокойно ответил он и стал ждать, когда я начну рассказывать. Начал, было, я декламировать, но на четвёртой строчке запнулся.

– Учи, – спокойно сказал он и пошёл на работу. Я начал опять учить, но, убедившись, что уже вызубрил, я бросил, надеясь, что отец больше не спросит. Так оно и вышло, он больше не спросил, но я действительно выучил, как подобает прилежному ученику, и за это получил отлично. Ведь до войны (старшие поколения знают) была такая оценка.

Я уже говорил, что зима в Забайкалье очень суровая, сильные морозы, но без ветра, поэтому зима легко переносится. Идёшь по улице, а у тебя под ногами снег хрустит, и как мороз начался с осени, так и до весны не бывает оттепели. Учились мы уже в новой школе, а она находилась недалеко от нашего дома, так что мне можно было одеваться не очень тепло. Учился я как обычно неважно, ведь я сидел в пятом классе второй год. И мне уже было двенадцать лет, и шёл уже одна тысяча девятьсот сорок первый год. Вокруг своей станции мы, ребята обошли все леса, и заходили даже вглубь тайги, но только с теми, которые знали её. Мы ходили по грибы, ягоды, за шишками, но они были далеко, так что я ходил всего два-три раза, а ягод там было очень много.

В апреле месяце мы похоронили мою сестрёнку, ей к тому времени было уже четыре года, она часто болела какой-то болезнью. Галя сильно похудела, да и мать тоже была худая, как щепка. Хотя питались мы довольно сносно.

Отец очень часто целыми днями бывал в поездке по станциям и приезжал вечером, а днём он питался там. А когда приедет, выпьет сто граммов водки, поужинает и опять на работу, докладывать о том, что происходило на других станциях. А затем отправлялся поиграть в домино и приходил домой в два-три часа ночи, а утром к восьми часам опять уходил на работу.

Иногда он обедал дома, после которого обязательно отдыхал часа три, затем опять отправлялся на работу. Поэтому на меня он почти не обращал внимания, и учёбой, если интересовался, то очень редко, и мне порой казалось, что для отца я как бы не существую. У него была своя жизнь, а у нас с матерью своя. Итак, я с натяжкой сдал экзамены и перешёл в шестой класс. Лето у нас начиналось с июня, так что до начала войны остался почти месяц, но разве тогда мы знали о том, какие жуткие испытания ожидали всю страну, и с какой непереносимой болью узнавали о событиях, происходивших на западе. Как обычно, ни о чём, не ведая, мы мотались по тайге, купались, ловили рыбу удочками, перемётами, сетками.

И вот началась война. Парней, достигших совершеннолетия, стали призывать на войну, а со мной дружили ребята старше меня от года и до четырёх лет. Стыдно об этом писать, но так как я поклялся ничего не скрывать, то некоторым моим друзьям не хотелось идти в армию, и мы решили..., но к этому вернусь ниже...

Глава четвёртая. Война

Июль и август мы провожали на фронт людей старших возрастов. Конечно, было очень много слёз матерей, жён и детей. Но моего отца на фронт не взяли, у него имелась бронь, которая освобождала его от мобилизации на войну.

Наступил сентябрь и мы пошли в школу учиться дальше, но разве нам было до учёбы, когда наших друзей скоро призовут в армию. Мы собирались много раз, а нас было человек восемь, из которых двадцать восьмого года рождения был один я, Лёва – на год моложе меня, тогда как остальные были старше нас с Лёвой.

И вот позади ноябрьские праздники, которые прошли невесело, потому что немцы наступали на Москву, и нам было не до веселья. И мы как обычно собрались в одной из квартир очередного новобранца:

– Что будем делать? – спросил один из них.

– Ребята, я придумал, что надо делать! – воскликнул кто-то. – Давайте поедем в тайгу, я знаю там один домик в километрах ста от нас. Уедем туда и станем для раздобытки пропитания нападать на проезжих. И нас, уверен, никто не найдёт, – пояснил этот новобранец.

– Да, но на чём мы туда поедем? – спросил я. – У нас нет транспорта.

– На лошадях, – подсказал Лёва.

– Правильно! – хором поддержали все ребята.

– Но где их взять? – опять спросил я.

Начали думать, где взять лошадей? Один сказал:

– Я возьму у своего дяди.

– А я возьму лошадь на работе, – ответил один.

В общем, они решали, гадали и каждый из них придумал, откуда уведут четырёх лошадей. Но где же возьмём мы с Лёвой? У меня в тот момент даже и мысли не возникало отговорить друзей от дурной затеи. А надо было! Ведь Родине угрожала смертельная опасность, тогда как их одолевают преступные соблазны. И я, похоже, с ними был за одно, но вот через десятки лет я вспоминаю это не без стыда...

– Когда поедем? – спросил я. – А лошадь я найду тогда, когда мы поедем, – прибавил я, но, пока утаивая, где я возьму коня.

Решили, что поедем через четыре дня. К назначенному времени, дома вместо книг я натолкал в портфель кое-что из одежды, взял бумаги и несколько конвертов: «Надо же матери письмо написать» – подумал я. День без дела прошатался, встретил Лёву и сказал ему, чтобы вечером он отправился со мною за конём.

– А где ты его возьмёшь? – спросил он.

– Потом узнаешь, – с загадочным видом ответил я.

И вот вечером, мы с Лёвой пошатались, дождались ночи, и я повёл его к отделению милиции. Лёва остался на улице, а я зашёл во двор, открыл сарай, где стояла лошадь, а она была с уздечкой. Взял её под уздцы и повёл за собой, и она покорно пошла. Но я не умел ездить верхом. И когда вывел коня со двора, отдал Лёве и велел садиться на него и ехать к тому дому, где мы собирались. Он поехал.

Когда я пришёл к приятелям и ответил на их вопрос о лошади, то они немало удивились:

– Как это ты умудрился украсть лошадь, да ещё в милиции?

– Но вы же на лошадях, а мы же с Лёвой пешком не пойдём? – ответил я.

– Ребята я не могу поехать сегодня, у меня мать заболела, а ухаживать некому, – неожиданно произнес новобранец, которому через три дня идти в армию.

– И я не могу, – ответил другой – у меня завтра проводы. Соберутся наши все...

У меня глаза полезли на лоб. Как же так, я рисковал, украл лошадь, а поездка в тайгу, кажется, совсем отменяется. И они договорились до того, что мы остались с Лёвой одни:

– Так вы поезжайте, а мы через день-два к вам. А дорогу мы нарисуем. – Видя наше недоумение, не без лукавства, должно быть, отвечали отступники. – И вы спокойно доедете до того домика.

Так мы проговорили до рассвета, когда нам уже было поздно куда-либо ехать. Я нехотя встал, вышел на улицу, посмотрел по сторонам. Вижу, поблизости никого нет, (а я боялся милиционеров, о чём никто не знал). Зашёл на огород, где стояла лошадь, отвязал её, ударил палкой, и она побежала, а куда и поныне не знаю. Потом зашёл к ребятам и сказал:

– Мне в армию не идти, решайте сами. Лёва пойдём, – и только мы с ним вышли на улицу с противоположной стороны, как я увидел свою матушку. Она тоже заприметила меня, и я бросился наутёк убежать от неё, а она что-то мне кричала вслед и просила остановиться. Я бегу по улице, обернулся, вижу, как она проворно пересекла чей-то огород и вот вдруг очутилась около меня:

– Остановись, сынок, – жалобно умоляла она, – я не буду тебя бить.

Я проявил послушание и замер на месте. Только дышал тяжело, решив про себя, если будет приставать, пошлю её подальше, и уйду от неё. Но она стала меня уговаривать:

– Пойдём в поликлинику. Там пройдёшь медкомиссию. Я устрою тебя в ремесленное училище, и будешь там присмотрен и накормлен, – объясняла она. Тут я только вспомнил Лёву. Я оглянулся и увидел вдалеке друга, замахал ему рукой, чтобы он подошёл к нам. И он был тут как тут.

– Поедем в ремеслуху? – спросил я.

Он дал согласие, и мы пошли в поликлинику. Но там его ожидало разочарование, так как мы увидели его мать, она покосилась недобро на меня и схватила сына за руку, строго сказав:

– Никуда он не поедет. Лёвочка, пойдём домой, – сказала она и, было, повела его. Но он проявил упорство и остался. Мы стали проходить комиссию. Однако Лёве не позволили, так как он был моложе меня. Его мать обрадовалась и увела сына. Оказалась она здесь потому, что накануне мы не ночевали дома, проведя ночь на вокзале. И вот, несмотря на то, что я тоже считался малолеткой, всё-таки прошёл всех полагающихся для этого врачей. И мне сказали, чтобы вечером я пришёл в поликлинику, где соберут ребят для отправки. Мать, боясь, что я могу удрать, увела меня домой, где я стал собираться в дорогу. А мать открыла мой школьный портфель и удивилась:

– Когда же ты успел собрать бельё, да ещё и конверты прихватил. Значит, ты уже куда-то собрался уехать? – спросила сурово она.

Но я промолчал, не буду же я предавать друзей. К тому же мы были не одни. К нам приехала жена брата отца, тётя Вера, она эвакуировалась из Курска, так как дядя Володя отослал её сюда на время войны, а сам уехал на фронт. Она тоже меня пошла провожать, но куда меня направляют, я и сам толком не знал.

Под вечер с матерью я пошёл на сборный пункт. Когда все были в сборе, нас повели на станцию и посадили в пригородный поезд, который шёл на Читю. И мы доехали только до половины дороги, а точнее до станции Дарасум, где нас высадили с поезда. Затем пересели в автобус, и мы поехали на юг монгольской границы, в маленький городок под названием Хапчеранга. А это триста с лишним километров от станции Даросун. Там нас поместили в общежитие и сказали, чтобы мы отдыхали до следующего дня...

Глава пятая

Здесь почти одни шахты, в которых добывали олово. Они были очень глубокие, но меня в них не пропускали, так как из всех парней я был малолетка. И я оставался наверху, занимаясь разной чепуховой работой: уборкой, как в общежитии, так и там, где ученики спускались в подземелье.

Я познакомился со сторожем, он привёл меня к себе домой, у которого пилил и колол дрова и т. д. И всё же основное время я находился в общежитии, где перезнакомился со всеми парнями, которые меня уважали, как самого младшего в группе. Но прожил я там недолго – месяца полтора, как меня вдруг обвинили в краже денег у одного из пацанов. Но я их не брал, а они указали на меня и сказали, что я вор. Меня выгнали из ремесленного училища и выписали справку о том, что я малолетка и меня не имеют права допускать в шахту.

Ещё когда я был дома, то по приезду тёти Веры, мать попросила её перешить отцовский железнодорожный китель мне на костюм, что она и сделала. Так вот, когда меня выгнали, то мне нужно было на что-то покупать еду, а денег – ни копейки. И я выменял свой костюм на продукты, и гадал, как мне уехать домой, ведь автомашины для поездки на вокзал не было. И вот мне сказали, что на Даросун идёт крытая брезентом грузовая машина. Меня посадили в кузов вместе с женщинами, которые тоже ехали со мной. На мне были холодные ботиночки, а на улице стояли сорокоградусные морозы, ведь шёл уже январь сорок второго. И надо было преодолеть триста с лишним километров пути. Первые десятки километров я ехал в кузове и дрожал от сильного холода, но сначала ехать было ещё терпимо, а затем стал замерзать совсем, и женщины это заметили:

– Бабы, а ведь парень может замёрзнуть? А в кабине шофёр сидит в валенках, – забормотали они и стали быстро стучать в кабину. Водитель остановил машину, вылез и спросил:

– Что случилось?

– Ребёнок замерзает, – ответили женщины и попросили – возьмите его в кабину.

Шофёр сжалился и велел мне пересест в кабину. Когда я чуть живой перевалился через кузов и очутился на заснеженной земле, он видит, что я уже не могу ходить, и сказал:

– Так, вот тебе два ведра, иди и принеси воды, – и показал на колодец, который находился от машины в метрах двухстах – да бегом, а то мотор может замёрзнуть – добавил он. И я бегом помчался за водой, не чувствуя под собой ног.

Прежде чем зачерпнуть воды, мне пришлось разбить лёд, при этом боясь поскользнуться, чтобы не очутиться в ледяной воде. Когда с трудом я набрал два ведра, придавленный тяжестью ноши, я еле переступал озябшими вконец ногами.

– Ну, парень, прибавь шагу, а то радиатор замёрзнет, – закричал шофёр, и я опять побежал, чувствуя на спине выступивший пот.

– Молодец, а теперь ступай в кабинку, – сказал он, а сам вылил воду на землю. Тут я догадался, что он меня заставил специально бежать за водой, чтобы я разогрелся. Я залез в кабину, и мы поехали дальше. Здесь было теплее, чем в кузове и мы спокойно доехали до станции. Затем я сел в пригородный поезд и приехал домой. Мать, конечно, обрадовалась, но когда я разделся и сел за стол, она увидела, что на мне нет костюма, и спросила:

– А где костюм?

– Украли, – не задумываясь, соврал я, принимаясь за еду.

– Как украли? Почему за него ущерб не оплатил директор училища? – начала кричать мать. – Что это такое, там воруют, а ты не мог потребовать деньги.

– Аня, дай сыну хоть поесть, – вступилась за меня тётя Вера. – Да и костюм хотя бы новый был, а то из старого кителя, – с умным видом прибавила она.

– Ну и что, что со старого костюма! Но ведь был ещё хороший, – не унималась мать. А я вспомнил, как страдал от голода, как мёрз от холода, и на миг вдруг стало жалко себя. Не выдержал и заплакал, но потом быстро успокоился и сказал:

– А я поеду обратно и потребую у директора, пусть заплатит за него, – продолжал я беззастенчиво врать. Она же не знала, где находится ремесленное училище.

– Правильно сынок, поезжай и потребуй, чтобы они оплатили, – эти слова матери, произнесённые тоном спокойного утверждения, я запомнил на всю жизнь.

Я встал из-за стола, несколько бодрясь, оделся, она дала мне мелочь, чтобы я мог уехать пригородным поездом и, попрощавшись с тёткой и матерью, я вышел на улицу, при этом сам не зная куда ехать. Отец в это время был ещё на работе и, конечно, ничего про меня не знал. Я поспешил на вокзал. Однако сел не в пригородный поезд, а в пассажирский, шедший в сторону Читы. И сам не знаю, почему вдруг решил сойти на станции Яблоновой, где мы жили раньше.

На мне были те же ботиночки. Пошёл к старому другу Коляне, но дома его не оказалось, мне ответили, что он в школе – во второй смене. Недолго думая, я отправился в школу, в которой когда-то учился сам.

Хорошо, что я подрос к перемене, и быстро нашёл Коляню. Мы обнялись, он сказал, чтобы я подождал его, так как осталось два урока, хотя уже близился вечер. Вот прозвенел звонок на урок. Я вышел в коридор и стал ждать конца урока, и тут один из классов вышел в коридор для занятий физкультурой, поскольку спортзала в школе не было.

Когда ребята построились почти во всю длину коридора, в этот момент к ним вышла учительница. И только собралась проводить занятие, как увидела меня, стоявшего в стороне около выхода.

– Молодой человек, будьте добры, выйдите на улицу и не мешайте нам, – вежливо попросила она и отвернулась, чтобы приступить к занятиям. Но я не сдвинулся с места.

– На улице большой мороз и я никуда не пойду, – ответил я.

– Как твоя фамилия? – строго спросила она.

– Прусякин! – соврал я, не моргнув и нагло улыбнулся.

Она повернулась ко мне спиной и пошла на второй этаж. Я тут же смекнул – сейчас приведёт директора. И не ошибся – через пару минут появился Виктор Иванович, который не раз выгонял меня из школы. Мне показался он постаревшим и пальцем резко поманил к себе, сооротив нарочито злую мину. Это значит, чтобы я топал за ним. После короткого раздумья, я пошёл на второй этаж в кабинет директора.

– Ну что, молодец, всё продолжаешь дурака валять? – спросил он с кислой улыбкой.

– Я никому не помешал, – спокойно начал я. – Я товарища жду, который через один урок выйдет из класса, и мы вместе пойдём домой. А учительница меня выгоняла на мороз, – только я договорил фразу, как тут же зашёл милиционер в длинной шинели.

– Вызывали? – спросил он.

– Да, вот этого хлопчика заберите, – с ехидством указал на меня Виктор Иванович Сучков. – Он нам мешает заниматься.

– За что? – неподдельно удивился я.

– Пойдём, а там мы разберёмся! – сказал милиционер, и мне пришлось подчиниться. Он повёл меня на станцию, где находилась милиция. По дороге он поведал, что как будто я совершил хулиганство, поэтому и был он вызван в школу.

Когда привёл в опорный пункт милиции, он молча запер меня в какую-то конуру, рассчитанную всего на одного человека. Однако просидел я недолго. Через три-четыре часа открылась дверь. Меня вывели и повели к пассажирскому поезду, где меня приняла проводница, ни слова не говоря, жестом руки указала следовать в вагон.

Я поднялся по крутой металлической лесенке и уже из тамбура увидел, что весь вагон заполнен только одними моряками. За окном была тёмная ночь, и все спали, я тоже залез

на третью полку, где обычно хранились спальные принадлежности, свернулся там калачиком и заснул.

Утром я проснулся и почувствовал, что на меня уставились морячки.

– Откуда ты взялся? – спросил один из них. Вместо ответа я достал справку, выданную мне в училище, и протянул ему. Тут все стали смотреть бумажку и спросили:

– Ну, и куда едешь?

– Домой обратно, – спокойно ответил я.

– А куда, домой, мир-то большой? – опять спросил тот же моряк.

– В Хабаровск, – не думая, соврал я, а у самого мурашки побежали по спине. Ведь это было очень далеко и уже хотелось есть. Кажется, они поверили, и всё-таки один из них проявил наблюдательность и спросил:

– Так у тебя же вещей нет, даже обычной сумки?

– У меня отняли ребята, – не моргнув, солгал я.

Они вернули мне справку и кто-то подал мне хлеба и ещё кое-какую еду. Я стал им вроде как за друга. Но с верхней полки я не слезал, разве что когда приспичивало сходить в туалет. Милиция у всех проверяла документы, в том числе и у меня: читали справку и смотрели в лицо, потом возвращали, и я ехал дальше.

Спал я на своем зимнем пальто, которое носил уже третий год, а вместо подушки служили мои старые ботинки. Проводники привыкли ко мне, и они не беспокоили меня, всегда проходя мимо, как-то загадочно улыбались мне.

Поезд шёл до Владивостока, тогда как мне нужно сходить в Хабаровске, куда надо ехать пять суток. Когда подъезжали к Хабаровску, проводница напомнила об этом, и я стал готовиться к выходу. А ведь там я ни разу не был, да и как я мог покинуть вагон, который стал моим вторым домом. Но что делать, коли я сам, поставил себя в такие сложные обстоятельства, что вот должен выйти на перрон чужого города.

Я стоял в оторопи, осматривался кругом, а моряки из вагона смотрели, как на подопытного кролика и тут меня охватил такой страх, какого я, кажется, никогда не испытывал. И, неожиданно для себя, я опять вскочил на подножку вагона. Моряки встретили меня дружным смехом:

– А мы, парень, знали, что ты здесь не живёшь, так что поедem с нами, будешь у нас на корабле юнгой, – говорили они, и я дал согласие. Поезд тронулся и поехал дальше, но примерно километра через два, начали проверять документы. По своему обыкновению я подал свою справку.

– Этот пацан едет с нами, он будет моряком, – уверенно отвечали моряки. И я почувствовал себя под их надёжной защитой.

Но не тут—то было...

– Что ж, ты приехал, слезай с полки, – сказал один из милиционеров. – Живо одевайся и следуй с нами, а вы, товарищи, моряки, не мешайте, – закончил он.

Я слез, оделся, простился с моряками, а поезд в это время остановился на станции Вяземская. Я пошёл с милиционерами, которые доставили меня в участок, где уже содержалось человек десять примерно таких же, как я оборвышей. Начальник переписал из справки, которую ему отдали патрульные милиционеры, все мои данные в специальный журнал для регистрации всех нарушителей общественного порядка.

И я присоединился к таким же, как и я, ребятам и нас повели в отдельную комнату. Там мы просидели около двух часов, затем всех вывели к стоящему поезду, посадили в вагон, и мы поехали обратно в Хабаровск. По приезду нас привели в детскую комнату, переписали и... отправили в детский приёмник. Там стали вызывать по одному к начальнику.

– Фамилия, имя, отчество? Где родился? Как сюда попал? – допрашивал начальник. Я начал врать: единственно, при любых обстоятельствах я не изменял свою фамилию, которую и назвал с ходу.

– Родился я в Черниговской области Ивановского района на станции Колонтаевка. Мы эвакуировались в Читинскую область. Мать умерла. Отец убит на фронте. Я ехал с моряками на море, чтобы стать юнгой. Но меня задержали и привезли сюда, – я продолжал врать, и мне поверили. Именно в этот момент я пришел к единственной мысли, что я должен попасть на фронт, хотя эта идея ворочалась в сознании и раньше, но созрела только сейчас. Так у фанатика рождается заветная цель, к достижению которой он стремится любой ценой.

– Сколько тебе лет? Когда родился? – опять спросил он.

– Я родился 26 февраля 1928 года, – на этот раз я сказал правду, и про себя удивился, почему он так подробно всё спрашивает?

– Значит, скоро тебе исполнится 14 лет. Мы тебя отправим в фабрично-заводское училище на авиационный завод. Будешь там учиться, – закончил он, и я пошёл к ребятам.

– Ну, как? – спросил один курносый парень. Потом я узнал, что его зовут Никифором.

– Сказали, пошлют на авиационный завод, в фабрично—заводское обучение, – ответил я.

– И меня тоже туда. Пойдём вместе? И будем жить в общежитии. А что, станем друзьями? – спросил он. Я согласился, мы действительно подружились.

В детоприёмнике мы прожили двое суток, затем нас отправили в училище на окраину Хабаровска. В общежитии нас поместили в одну комнату, наши кровати стояли рядом. Здесь поддерживалась почти идеальная чистота и порядок. Постели с двумя простынями. Одеяла были новые, подушки пуховые, и рядом над каждой кроватью стояла тумбочка. Так мы, беспризорники, стали жить в хорошем общежитии. Меня обучали на клепальщика клепать из дюралюминия крылья самолёта. Я со всей силы упирал кувалду в заклепку с одной стороны, а с другой мой напарник клепал её автоматическим воздушным молотком, затем и я стал понемногу работать этим грохочущим инструментом. И в сборочном цеху стоял пронзительный лязгающий звон, отдававшийся в ушах. И эта «музыка» молотка повторялась изо дня в день. Понемногу я обследовал весь завод, мне было очень интересно наблюдать, как из маленьких частей собирали самолёт, который потом поднимался в воздух и садился опять на аэродром этого же завода. В который раз открывали высокие ворота ангара, выкатывали самолёт на взлётную полосу, затем включали двигатель, и после разбега, он довольно легко взмывал в небо. И я стал гордиться, что и моя частичка труда вложена в этот самолёт.

Когда я приходил в общежитие, я встречался с другом Никифором, мы обменивались своими мнениями, ходили вместе в столовую, где нас хорошо кормили, потому что мы работали для фронта. Иногда мы баловались в общежитии, кидая друг в друга подушками. А однажды нас застал в драке с пацанами комендант общежития:

– Встать и быстро одеться, – приказал он.

Мы в большой спешке оделись, обулись, и он вытолкнул нас на улицу.

– Вот видите проходная завода? Так вот бегом туда и обратно без остановки, – сердито приказал он и мы, а нас было около 10 человек, побежали. И никто не обратил из нас внимание на то, что на улице поднялась метель, и стоял двадцатиградусный мороз. Прибежали обратно все мокрые от пота, теперь нам было не до смеха и не до баловства.

– Предупреждаю, повторится, будет хуже, – сказал комендант и ушёл, а мы все вернулись в общежитие хмурые, но когда разделись и легли в постель, то не вытерпели и начали смеяться, но уже подушками не кидались.

Так нас, беспризорников учили жить на белом свете, как нужно вести себя среди людей, как надо дорожить землёй, как добросовестно нужно работать, как важно любить Родину. Но этим правилам я не всегда подчинялся, обязательно что-нибудь да натворю. Даже на заводе я не мог не хулиганить: то нарочно неправильно держал молоток, из-за чего пробивался дюра-

люминий в кожухе мотора или в крыле, за что мне доставалось по первое число, то у меня отнимали пропуск и приказывали, чтобы я шёл на проходную к начальнику, но я туда не ходил, оставаясь в цеху, даже на ночёвку. Потом я нащупал в заборе доску, которая отодвигалась при помощи небольшого усилия, пролезал в дыру и проходил в общежитие, где мне удивлялись, как я проникал никем не замеченный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.